

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ АНГЕЛЫ

Нина Жатова

18+

Нина Жатова

Разбитое сердце Ашеры

«Автор»

2026

Жатова Н.

Разбитое сердце Ашеры / Н. Жатова — «Автор», 2026

Где-то между пламенем Флегетона и тишиной аукционного дома рождается судьба, которую никто не выбирал. Альтаир знает: чтобы вернуть то, что было отнято, нужно собрать осколки, в которых дрожит сама суть Хаоса. Но каждый найденный фрагмент не просто приближает к цели – он приоткрывает бездну, и чем ближе он к разгадке, тем яснее понимает: цена возвращения может оказаться выше, чем он готов заплатить. Агата привыкла видеть в артефактах лишь историю, но теперь сама стала загадкой, которую пытаются разгадать и те, кто хочет спасти мир, и те, кто мечтает его перекроить. В ее тишине звучит шепот духов, а в каждом взгляде – вопрос: кто она на самом деле – ключ или ловушка? Пока нити пророчества сплетаются в узор, который невозможно прочесть до конца, над миром нависает тень: не все силы хотят, чтобы прошлое вернулось. И не все готовы позволить будущему начаться.

© Жатова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нина Жатова

Разбитое сердце Ашеры

Глава 1

Я шла, не разбирая дороги, будто сама земля под ногами стала чужой и враждебной. Могильный холод сковывал ноги стальными обручами, пробирался сквозь кожу, хватал за кости, и каждый шаг давался ценой, которую я боялась назвать даже про себя. Пепел, тяжелый и серый, как пыль веков, опадал на волосы и плечи, оседал в легких горьким привкусом тлена. Он стелился под ногами хрупким стеклом — и хрустел, будто перемалывал чьи то безмолвные крики.

Меня влекла вперед неведомая сила — не желание, не воля, а древний, въевшийся в кровь зов, преследующий меня с детства: «Услышь... услышь... приди...» Он звучал не снаружи, а изнутри, царапая череп, словно кто то скребся в запертую дверь моего разума.

Выжженные деревья стояли, как черные кости погибшего леса, обугленная земля дышала запахом смерти — густым, маслянистым, въедающимся в ноздри так, что казалось, будто я уже никогда не смогу вдохнуть ничего чистого. А впереди извивалась кроваво огненная река — будто живая змея, сотканная из боли и пламени. Она обволакивала тернистый путь, лизала подошвы, шептала: «Поверни. Остановись. Сдайся». Все вокруг кричало, умоляло, приказывало повернуть обратно. Но что то более сильное, чем страх, чем сама жизнь, тянуло меня вперед.

Оказавшись на одном из островов, над которыми бурлила огненная река, я застыла, не в силах отвести взгляд. Семь каменных столбов уходили вглубь этого адского потока, будто ребра утонувшего чудовища. К ним были прикованы люди. Их тела раз за разом поглощал огонь реки, сдирая кожу, выжигая дыхание, заставляя задыхаться в муках, которые невозможно было даже назвать словами. А потом они вновь и вновь воскресали — только для того, чтобы снова гореть. Бесконечный круг боли, в котором не осталось ни надежды, ни смысла, ни даже желания кричать.

Я проснулась в холодном поту, будто из того мира меня вышвырнуло ударом в грудь. Пижама липкими щупальцами тянулась к телу, пропитанная чужим ужасом, который не хотел отпускать. Меня била мелкая дрожь, такая сильная, что зубы стучали, как будто в них бился отголосок того огненного шепота. Происходящее во сне казалось реальным — до мельчайших деталей, до вкуса пепла на языке.

— Соberись, Агата, это всего лишь страшный сон, — увещевала я себя, но голос звучал жалко и глухо, будто принадлежал кому то другому.

Заварив кружку двойного эспresso, я вышла на балкон, вдыхая прохладу утра. На секунду мне показалось, что воздух пахнет гарью — настоящей, едкой, как в том кошмаре. Но это был просто городской смог, привычный и безопасный, такой до боли обычный, что от этого становилось еще страшнее. Я стряхнула с себя липкий ужас ночи, как тяжелое одеяло. Пепел, казалось, остался в волосах — серый, невесомый, неотделимый от меня. Я провела рукой по прядям — ничего. Только нервы, натянутые до звона.

Жизнь в городе продолжала бурлить, будто ничего не случилось. Сонные люди выходили из подъездов, потирали глаза, спешили по своим делам — кто на автобус, кто в метро, кто просто подальше от своей собственной тишины. Они двигались по одному и тому же маршруту, как заведенные куклы, повторяя одни и те же жесты, одни и те же слова. Их мучения были не огненными, а будничными: пробки, опоздания, кофе навынос, который остывал раньше, чем они успевали его допить. Будто и они были приговорены к бесконечному повторению: подъезд

— тротуар — автобус — работа. Только вместо пламени их жгла рутина, а вместо криков — молчаливое терпение.

Я вздрогнула от мелодии будильника: «Крэйзи фрог», чтоб его... — выругалась я, пообещав себе сменить мелодию сегодня же, прямо сейчас, пока не забыла. Но в глубине души знала: даже если сменю, это не уберет тот шепот из головы.

Впереди ждал долгий рабочий день. И как бы сильно мне ни хотелось остаться в тишине и уюте своей квартиры, я не могла позволить себе такую роскошь. Только не сегодня. Когда на носу аукцион.

* * *

Офис аукционного дома «Артефакт» встретил меня привычной утренней суетой: кто то шелестел бумагами, что то распечатывая на принтере, кто то воевал с кофемашиной, грузчики сновали туда сюда, переноса бесценные холсты в дорогих рамах. Пахло деревом, старым пергаментом и еле уловимой тревогой — словно даже воздух знал, что сегодня должно быть все идеально. Все готовились к аукциону.

Я скользнула в свой кабинет. Здесь меня уже ждали два предмета, ожидающие приговора: широкий золотой браслет, усыпанный россыпью камней, и ваза из полупрозрачного стекла, будто сотканная из тумана.

— Так, мои дорогие, — пробормотала я, наклоняясь ближе, чтобы рассмотреть узор на браслете, — а ну ка расскажите мне правду.

Только я достала лупу и сделала пару заметок в блокнот, как дверь распахнулась с такой силой, что я невольно вздрогнула. В проеме возник Дмитрий Андреевич — мой босс, человек, который умел выглядеть одновременно безупречно и так, будто вот вот сорвется на крик.

— Агата! Нам нужна новая коллекция для следующего аукциона! — провозгласил он, нервно вышагивая по кабинету. — Не «что-нибудь», а настоящая сенсация, коллекция, которая заставит всех обомлеть от изумления, а потом пустит их сердца галопом.

Я сдержанно кивнула, стараясь не выдавать, что мое сердце пропустило удар от такой новости.

— Дмитрий Андреевич, — начала аккуратно я, — как раз сейчас у меня два экспоната. Браслет требует спектрального анализа, а ваза...

— Ваза подождет, — отмахнулся шеф, перебивая меня. — Найди что то действительно громкое. Что то, о чем все газеты будут трубить.

— Но у нас и так плотный график, — пыталась я протестовать. — И если мы возьмем что то без тщательной проверки...

— Без проверки у нас будут пустые карманы, и только. Я хочу, чтобы к пятнице у меня на столе лежал каталог из пяти потенциальных лотов, которые произведут фурор среди коллекционеров. Пять, Агата! Ты запомнила? Не четыре, не «почти пять». Пять!

Дверь за ним закрылась так же стремительно, как и открылась. Я выдохнула, борясь с раздражением, и посмотрела на браслет. На мгновение мне показалось, что камни стали чуть ярче сиять. Прикрыв глаза, я отложила браслет в сторону и мысленно сосчитала до десяти.

Чуть позже, когда я внесла все данные в каталог и разослала приглашения, в кабинет заглянула Марина, моя коллега и единственная, кто умел превращать хаос во что то более осмысленное в этом филиале ада. В руках она держала две чашки кофе.

— Держи, — протянула она мне одну из них. — Тебе не мешает немного отвлечься.

Я с благодарностью приняла ее, соблазняясь дерзким ароматом напитка, и мы присели на край стола, балансируя между бумагами и каталогами.

— Дмитрий Андреевич сегодня словно грозовая туча, — заметила Марина, делая глоток.

— Или ему просто хочется, чтобы весь мир вращался вокруг его напыщенной личности, — буркнула я.

Марина тихо рассмеялась:

— Это аукционный дом, Агата, здесь все вращается вокруг денег и артефактов. Кстати, об артефактах. Ты видела, как странно ведет себя освещение возле витрины с египетскими печатями? То тускнеет, то вспыхивает. Жуть, — передернула плечами Марина.

— Нет, не видела, — нахмурилась я. — А когда это началось?

— Сегодня утром. Мастер сказал, что датчики полетели. Знаешь, мне порой кажется, что техника просто сдается перед их историей.

— Перед историей или перед чем то еще, — пробормотала я, невольно оглядываясь на браслет.

— Не начинай, — Марина шутливо погрозила мне ложкой. — Ты еще скажи, что браслет тебе подмигивает по ночам.

— Он не подмигивает, — возразила я, хотя в глубине души была не так уверена. — Он словно реагирует на настроение, что ли? Даже не знаю...

Марина закатила глаза, не веря моим словам, но все же поддержала:

— Ладно, если вдруг он начнет читать стихи — сразу зови меня. Будем вместе вызывать экзорциста.

Мы еще немного пообсуждали предстоящий аукцион, перебрали варианты, где можно раздобыть что то стоящее, и сошлись на том, что иногда лучшее, что можно сделать, — это дожить до обеда.

Город жил своей обычной жизнью: люди спешили, смотрели в телефоны, сталкивались плечами, извиняясь на бегу. Светофор на перекрестке застыл на желтом, будто забыл, как переключаться. Прохожие шли мимо, не замечая, а мне казалось, что этот застывший свет — знак: мир замер на вдохе.

Подойдя к пекарне, я заметила Алену за столиком у окна и поспешила к ней.

— Привет, — улыбнулась Алена, обнимая меня. — Выглядишь так, словно тебя переехал грузовик.

— Скорее фура, — улыбнулась я в ответ. — Шефу нужна сенсация века.

— Есть уже какие-нибудь мысли?

— Да, — устало вздохнула я. — Хочу выпасться. Это сейчас единственная мысль.

Алена прищурилась, с тревогой глядя на меня:

— Я знаю тебя с детства. Что ты пытаешься от меня скрыть?

— Наверное, то, что схожу с ума, — попыталась я отшутиться, хотя иногда всерьез начинала это подозревать.

— Ты не похожа на душевнобольную.

— С каких это пор дизайнеры разбираются в сумасшедших?

— Нет, ты, конечно, псих... — взмахнув ложкой, подытожила Алена, — но не опасна для общества, так как повернута исключительно на своей работе.

Мы дружно рассмеялись и какое то время ели молча, наблюдая за прохожими.

— Знаешь, — начала неуверенно я, — мне снятся странные сны.

— Сны? Надеюсь, эротического характера? — подмигнула подруга.

— Нет, — усмехнулась я. — Скорее жанр фэнтези.

— Ну, тоже неплохо. А что снится?

Я немного помолчала, собираясь с мыслями и думая, с чего начать:

— Это что то вроде прогулки по окрестностям Ада или что то похожее.

Алена молчала, только ее слегка приподнятые брови выдавали удивление и заинтересованность. Я рассказала ей все: про шепот, про ощущения, про людей, прикованных цепями. Подруга помешала ложечкой остывший чай и пожала плечами:

— Наверное, это от работы. Не бери в голову. Тебя окружает столько старых вещей, столько чужих историй... Неудивительно, что они пробираются в твои сны, приобретая фантастические черты. К тому же ты когда последний раз была в отпуске?

Я хотела возразить, сказать, что эти сны не похожи на обычные сны об усталости, но слова застряли, где то в горле. Вместо этого я просто кивнула:

— Наверное, ты права. Отпуск мне не помешает.

Обеденный перерыв заканчивался, и нужно было возвращаться в офис. Обратный путь казался длиннее. Я шла по тротуару, погруженная в свои мысли, и вдруг заметила, что привычная городская суета сменилась чем то другим. Люди не просто спешили — они спорили. О пустяках: о погоде, о том, кто кого толкнул. Спорили жаростно, с горящими глазами, будто в каждом слове таилась искра, готовая вспыхнуть жарким пламенем.

Женщина у киоска кричала на продавца из за сдачи. Мужчина в деловом костюме жаростно спорил с таксистом, хотя тот просто открыл ему дверь. Даже дети на детской площадке не играли — они стояли напротив друг друга, сжав кулаки, и выкрикивали что то обидное. Их голоса звучали чуть громче обычного, будто каждый пытался перекрычить тишину, которая вот вот должна была наступить.

Среди всего этого бедлама мой взгляд зацепился за него: одиноко сидящего на скамейке мужчину. В отличие от других, он не ругался ни с кем, не нервничал, не злился — он наслаждался. На его лице играла легкая улыбка, глаза чуть прикрыты, поза расслаблена. Он не вписывался в эту картину хаоса. Не знаю почему, но я чувствовала, что он и есть этот хаос — его воплощение. Он завораживал своей красотой и мощной аурой, которая исходила от него.

Вдруг он резко распахнул глаза, словно почувствовал, что за ним следят, и наши взгляды встретились. Мы какое то время молча изучали друг друга.

— Интересно... — задумчиво произнес он.

А потом он растворился — не постепенно, не по кусочкам, а сразу, как будто мир стер его одним резким движением кисти. Остались только эти алые глаза — на долю секунды, как след от вспышки на сетчатке.

Увиденное повергло меня в ступор. Я не верила собственным глазам. Кто то из прохожих задел меня плечом, проходя мимо, и это привело меня в чувство. Я сорвалась с места чуть ли не бегом, чувствуя, как по спине пробегает знакомый холодок — не от ветра, а от чего то более глубокого и чертовски опасного.

Когда я добралась до дверей «Артефакта», мне показалось, что даже само здание напряглось, словно оно тоже чувствовало, как в воздухе витает что то чуждое, острое, разъедающее спокойствие. Среди криков и споров я вдруг увидела тень, скользнувшую по асфальту, и на секунду она напомнила мне извивы той огненной реки. Только теперь она текла не по земле, а по взглядам людей, зажигая в них жарость.

Я ворвалась в свой кабинет, пытаясь спрятаться от мира, прислонившись спиной к закрытой двери, сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая расшатанные нервы. В кабинете было тихо, слишком тихо для аукционного дома. Даже принтер, который обычно стрекотал без умолку, сегодня молчал. И в этой тишине браслет на столе мягко светился, пульсируя в такт моему пульсу, будто чувствовал, как воздух становится тяжелее. Или это он его и делал тяжелее?

Мой взгляд зацепился за камни. Они горели ровным, теплым сиянием, манящим к себе.

«Это не просто усталость», — подумала я, и тишина кабинета ответила мне тихим, едва уловимым шепотом — не звуком, а вибрацией в костях, словно мир слегка дрогнул на своей оси. Одно единственное слово: «Скоро».

Глава 2

— Альтаир! — окликнул брата Сатан. — Кажется, я нашел Осколок, точнее, его носителя.

Альтаир сидел на выжженной земле, прислонившись спиной к уродливо обугленному черному дереву, неотрывно следя, как волны Флегетона накатывают на скалы, омывая их своим огнем. Цепи, которые, когда то сдерживали его братьев и его самого, сейчас свободно раскачивались, грохоча звеньями, будто напоминали о времени, когда даже их сила была не больше, чем звон железа.

— Нужно не терять его из виду и удостовериться, что он действительно носитель. Пока мы не добудем информацию, как извлечь Осколок.

— Ее.

— Что? — выгнув бровь, уточнил Альтаир. — Носитель — женщина?

— Да, — усмехнулся Сатан. — Довольно крепкий орешек. Я пытался воздействовать на нее своей аурой, но тщетно. Полагаю, здесь помогут только мои стрелы.

— Значит, она не подвластна гневу? — задумчиво потер подбородок Альтаир, скорее задавая вопрос самому себе, чем брату. — Этого не может быть.

С ловкостью хищника он поднялся, стряхивая с себя пепел, и в этом движении было столько собранной силы, что даже воздух вокруг будто стал плотнее.

— Вызови в ней ярость, нужно пробудить силу Осколка, чтобы быть уверенными, что она носитель.

— Она меня видела.

Альтаир замер. Смертные не могут их видеть, если только им не позволить. Это значило лишь одно: в ней частица бессмертия, и он должен ее заполучить.

— Не выпускай девчонку из виду! — бросил на ходу Альтаир, растворяясь в огненной завесе. — Я к Тартару, нужно выяснить, как извлечь Осколок.

— Запахло весельем, — потирая руки, усмехнулся Сатан, глядя вслед брату.

Темный Бог не сидел на троне в окружении пламени, как рисовали его в древних свитках наивные жрецы. Его величие таилось в неподвижной тьме, в той тишине, что тяжелее любого крика. Его обителью стала Яма Безмолвия, именуемая также в его честь — Тартар. Не раскаленная пещера, где стонут грешники, а сердце преисподней, где огонь уже не горит, а лишь тлеет в виде серой пыли, оседающей на все, к чему прикоснется. Стены Ямы были сложены не из камня, а из застывших криков. Каждый слой — эхо чьего то отчаяния, такое плотное, что его можно было почти потрогать.

Тело Бога Тьмы казалось человеческим лишь на первый взгляд. Кожа его отливала свинцовым блеском, а вены светились изнутри тусклым фиолетовым огнем, который не согревал, а вытягивал все тепло и саму жизнь. Когда он говорил, воздух становился вязким, слова падали, как тяжелые капли смолы:

— Ты пришел просить? — прозвучал его голос, наполненный мощью первородного. — Или пришел напомнить мне, что я пленник собственного царства?

— Тартар! — воскликнул Альтаир, раскрывая объятия. — Разве так встречают гостей?

— Гости? Ты слишком много времени провел среди смертных и забыл о своей миссии, — отмахнулся Бог Тьмы.

— Я пришел как раз за этим, — уже серьезно произнес демон. — Мне нужно знать, как извлечь Осколок.

Тартар тут же оживился. Тьма словно щенок вострепелась.

— Ты нашел его?

— Да. И жду твоих подробных инструкций.

Темные щупальца потянулись к Альтаиру, приобнимая его за плечи. Такая смена настроения Бога вызывала у демона настороженность: его не покидало ощущение, что Тартар что то еще замышляет, кроме как вернуть к жизни Ашеру.

— Слушай внимательно, мальчик мой, — прогремел голос Тартара. — Когда Ашера освободила тебя и твоих братьев, она ввергла мир в хаос, и, чтобы вернуть ему порядок, Баал наложил печать на мир смертных. — Бог Тьмы поднял руку, и над ней засветилась сотканная из густого тумана звезда.

— Гексаграмма, — прошептал Альтаир.

— Да. На каждом ее конце возведен храм, каждый из них служит определенному Осколку и охраняется жрецами. Служители храмов наделены силой и знаниями, чтобы извлечь мощь Осколка из носителя. Ты должен заполучить их все.

— Как я узнаю, какой из храмов мне нужен?

— По цвету энергии — он соответствует цвету храма на гексаграмме. А теперь ступай и принеси мне мощь Осколков. Я слишком долго жду.

Демон не стал продолжать разговор, хоть у него и копились вопросы. Тартар все же был одним из первородных богов, и испытывать его терпение не входило в планы Альтаира. Начало было положено, и этого было достаточно. Пока достаточно.

* * *

Альтаир материализовался на крыше высотного здания рядом с Сатаном.

— Как продвигаются дела?

— Ты явился к началу представления, — усмехнулся Сатан.

— Не забывай: наша задача — пробудить силу, а не уничтожить ее душу.

— Я аккуратно, не беспокойся. Выпустить немного пара ей не мешает. У девчонки был тяжелый день.

— Посмотрим.

Сатан взмахнул рукой, из которой вылетела алая искра и растворилась в ближайшем дереве. Щелчок пальцами — и уличные фонари, подчиняясь некому приказу, погасли.

«Прекрасно, просто замечательно», — думала я. Мало того, что приходится добираться домой пешком из за того, что служба такси не нашла свободную машину, так теперь еще и в крошечной темноте идти. Я шла, настороженно вглядываясь в темноту, в которой мерещились жуткие щупальца чудищ. Холод полз по спине, не от ветра, а от ощущения, что за мной наблюдают.

И вдруг сзади голос, от которого сердце пропустило удар:

— Красотка, куда спешишь?

Я, не оборачиваясь, ускорила шаг. Рука в кармане сжала в кулак связку ключей от квартиры — мое единственное оружие на данный момент.

— Красотка, ну куда же ты? — Подвыпивший голос снова резанул по натянутым, как струна, нервам. Мужчина ускорил шаг, и я перешла на бег.

Из под земли внезапно вырвался корень дерева, пытаясь ухватить меня за ногу. Тело среагировало быстрее мыслей: я с легкостью перепрыгнула препятствие, проклиная себя за шпильки. Но второй отросток корня ухитрился все же схватить меня за лодыжку и с силой рванул назад.

«Черт!» — подумала я, пытаясь отцепить от себя надоедливое растение. В этот момент я видела, как стремительно приближается неизвестный мужчина, его мысли были мне хорошо известны — и это ничуть не утешало. Страх начал парализовывать тело. Руки дрожали, ужас волнами накатывал, заставляя кожу покрываться ледяными мурашками.

— Вот, ты и моя, — сально улыбнулся мужчина, протягивая ко мне руки.

В последний момент я успела освободить ногу и снять туфли. Уворачиваясь, нанесла удар ногой в пах. Под злобное шипение: «Сука!» — я побежала, что есть сил. Легкие обжигало от нехватки кислорода и адреналина. Мужчина на удивление быстро пришел в себя и бросился следом.

Природа вокруг будто оживала и сходила с ума: ветви пытались ухватить меня, больно царапали руки. Я ловко уворачивалась, подгоняемая страхом, словно все адские псы гнались за мной. Мужчина сделал рывок, хватая меня, и я, отрываясь от земли, готовилась к удару. Падая, я увидела два силуэта на крыше дома и алую стрелу, летящую в меня.

«Какого хрена?» — мелькнуло в голове.

Стрела вошла точно в сердце, и ярость, древняя, первобытная, захлестнула мое сознание. «Ничтожный червь! Как посмел?!» — пронеслось у меня в мыслях. Это чувство было не моим — оно пришло извне, как чужой голос, который вдруг заговорил внутри.

Природа будто откликнулась на эту ярость: черные тучи заволокли небо, пряча сияние звезд и луну, послышались грозные раскаты грома. Что то яростное проснулось во мне, и это было страшнее любого страха.

Я с силой сжала туфлю в руке и со всего размаха нанесла удар своему обидчику. Шпилька с чвакающим звуком вошла ему прямо в глаз. Горячая кровь брызгами упала мне на лицо, мужчина издал истошный вопль, а дальше время будто застыло.

Он спустился с небес, подобно ангелу мести, и даже ветер будто становился тише, подчиняясь его мощи. В нем не было показной красоты. Только суровая, выточенная жизнью стать, от которой в груди замирало что то, вызывающее к инстинктам. Лицо его словно высекли из темного камня: резкие, четкие линии скул, прямой, чуть угловатый нос, будто вылепленный рукой скульптора. Густые темные брови нависали над глазами, цвета грозового моря. В них читалась не грубость, а сосредоточенность, привычка принимать решения мгновенно и без колебаний. Взгляд тяжелый и пристальный, как у хищника. Кожа, тронутая загаром и временем, губы твердые, не склонные к частым улыбкам. В нем ощущалась не жестокость, а характер: он знал цену риску и не прятался от него. Широкие плечи, мощная, собранная фигура — в нем чувствовалась сила, не кричащая, а уверенная, как у того, кто привык полагаться только на себя. Легкая щетина на подбородке добавляла его облику ту самую небрежность и мужественность, которая не нуждается в украшениях. Все в его движениях и внешности говорило о внутренней дисциплине, о готовности в любой момент встретить вызов лицом к лицу. Его брутальность была не маской, а сутью: молчаливой, надежной, настоящей.

Одним легким движением он оторвал от меня нападавшего и прижал за горло к стволу дерева, держа того словно куклу на весу.

— Покажи мне свою истинную суть, — его взгляд полыхнул огнем, и нападавший начал дергаться, как в конвульсиях, и шипеть. Затем его тело стало приобретать нечеловеческие очертания. Я не знала, что это было за существо, да и мозг отказывался верить в реальность происходящего.

— Тебе здесь не место, — сухо заключил мой спаситель, превращая монстра в прах, который осыпался пеплом в его руках.

Моя нервная система сегодня просто не выдерживала натиска сюрпризов. Словно в течение дня на меня одновременно наезжал грузовик с неожиданными задачами, сигнализировал дедлайнами и пытался подбросить внеплановых проблем. Нервы не просто не выдержали — их буквально раздавило весом этих сюрпризов. И когда мой неожиданный спаситель подошел ко мне и помог подняться, я уже не сопротивлялась его тихому: «Спи», — и отдалась во власть темноты.

* * *

Каждый шаг давался с трудом и отдавался в груди болью, будто сама Тьма тянула ко мне свои удушающие щупальца. Воздух был густым, пропитанным страхом. Под ногами была растрескавшаяся черная земля, из щелей которой сочился алый туман. Я огляделась, пытаюсь понять, где нахожусь и куда мне идти. Вдали, словно исполины, застыли изломанные скалы, похожие на когти, норовившие впитаться в небо, которого здесь не было. Вместо него над головой висела тяжелая, свинцовая пелена, в которой не было даже намека на звезды. Время от времени из мрака выныривали призрачные силуэты — тени тех, кто когда то бросил вызов вечности и проиграл. Они скользили мимо, их вой был пропитан болью, а лица застыли в жутких муках.

Я шла, не разбирая дороги, желая поскорее выбраться из этого пугающего места. Голоса достигли меня раньше, чем я увидела их обладателей.

— Ашера, освободи моих детей.

Сперва это был лишь шепот, но по мере того, как я приближалась, шепот крепчал, набирая мощь, от которой дрожали кости.

— Твои дети уничтожат смертных. Их сила слишком велика.

— Они часть баланса. И были рождены для испытания душ, разжигая в них грехи.

Наконец, впереди, посреди выжженной пустоши, я увидела их. Два божества стояли бок о бок, и само пространство между ними искривлялось и вибрировало. Один из них — высокий, с плечами, широкими, как горные хребты, и глазами, в которых плескалась первозданная тьма. Его одежда казалась сотканной из теней. «Тартар», — пронеслось у меня в мыслях, и это осознание холодными иглами впилося в позвоночник. Первородный Бог Тьмы, заточенный в собственной темнице.

Вторым божеством была женщина. Она казалась светлее, но не от доброты, а от холодного, безжалостного сияния, которое не грело, лишь обнажало все уродливое и слабое вокруг. В огромной клетке, чьи прутья светились энергией, шипели и извивались страшные создания. Меня захлестнуло их силой на миг, и пришло другое осознание: грехи. Дети Тартара были теми самыми семью страшными грехами.

В глазах богини читалась тысячелетняя усталость.

— Ты знаешь, чем обернется их свобода, — произнесла она.

— Я знаю лишь одно: они — моя сила. Ты не сможешь держать их в цепях вечно.

— Придется, иначе на мир обрушится хаос, который даже я не смогу удержать.

— Хаос — тоже порядок! — взревел он. — Пусть жалкие людишки привыкают к новому ритму! — Затем добавил спокойнее: — Ашера, ты сама олицетворение Хаоса. Так стань Верховной богиней.

— И предать Баала? Развязать войну?

Тартар резко вскинул голову, будто что то почувствовал или услышал. Его глаза вспыхнули, а губы растянулись в довольной ухмылке:

— Близок тот час, когда тебе придется их освободить ради спасения своих же детей.

Я резко вдохнула и проснулась, дрожа, с ощущением, что где то там, за гранью сна, разговор продолжается и от его исхода зависит гораздо больше, чем я могу себе представить.

Глава 3

Сатан нервно мерил шагами пентхаус, в котором жил Альтаир, находясь среди людей. С каждым его шагом по стеклу бежали тонкие трещины — тут же исчезающие, словно пространство старалось скрыть следы его ярости. В воздухе висел горький привкус напряжения, тяжелый, как озон перед грозой.

Альтаир стоял у барной стойки, небрежно крутя в руках хрустальный бокал, на дне которого плескался виски, играя бликами янтаря. Он следил за братом, как следят за стихией, готовый вот вот вырваться за границы: в каждом рывке Сатана чувствовалась неукротимая сила, которую тот едва удерживал в узде.

— Ты остановил ее, — голос Сатана звучал низко, с хрипотцой, будто из него пытались вырваться штормовые ветры. — Ты погасил силу, готовую пробудиться, которая могла мне вернуть частицу матери! Нашей матери!

Альтаир неспешно подошел к панорамному окну. В его осанке читалась усталость тысячелетий и холодная расчетливость того, кто слишком часто ставил все на кон и слишком хорошо помнил, чем это заканчивалось. Город внизу казался игрушечным, хрупким — словно одно резкое движение могло разнести его в пыль.

— Сила не всегда означает истину, — наконец произнес он, не оборачиваясь. — Ты видишь осколок сердца Ашеры там, где может быть ловушка.

— Ловушка? Что ты хочешь этим сказать?

Голос Альтаира прозвучал ровно, почти лениво:

— Цвет ее энергии не совпал ни с одним из цветов храмов на гексаграмме, как учил Тартар. Это не просто так, и нам нужно быть осторожными.

Сатан резко остановился, и в тот же миг воздух вокруг него сгустился, потемнел, будто небо над городом затянуло свинцовыми тучами.

— Осторожными? — прорычал он. — Мы могущественные демоны, дети первородных богов. Кого нам опасаться? Смертную?

— Сатан, ты слишком горяч, — спокойно ответил Альтаир. — Не забывай, что Баал жаждет нас уничтожить. И если девчонка — одна из его посвященных, нас могут ждать большие неприятности. Неизвестно, какой силой он наделил своих служителей.

Из соседней комнаты донесся тихий шорох, затем — легкий скрип двери. Оба демона застыли, и даже воздух будто затаил дыхание.

Я осторожно вышла в гостиную, придерживаясь за стену, словно пол под ногами был зыбким, как туман. Мой взгляд остановился на Альтаире. Да... я помню... именно он вырвал меня из лап того существа, принявшего облик обычного насильника. Это перед ним тьма расступалась. Но сознаваться в этом я не спешила — инстинкт шептал: молчи.

— Где я? — мой голос прозвучал чуть хрипло, будто я долго кричала. — Кто вы такие?

Сатан дернулся было вперед, но Альтаир едва заметно качнул головой. Один короткий, властный жест, который остановил бурю.

Он шагнул ко мне, и его движения были обманчиво мягкими, как у хищника, который знает, что жертва уже никуда не денется.

— Я Антон, а это мой брат Андрей, — Альтаир махнул рукой в сторону Сатана, называя людские имена, которыми они пользовались среди смертных. — Ты в безопасности, — осторожно продолжил он, словно разговаривал с ребенком, которого нужно не спугнуть. — Мы нашли тебя на улице без сознания.

Я кивнула, принимая эту версию и правила игры. В голове все еще шумело, а тело помнило каждый удар, каждый рывок, каждый миг, когда казалось, что все кончено. Но сейчас мне хотелось просто дышать.

— Завтрак? — предложил Антон, и в этом простом слове прозвучала странная забота, от которой у меня почему то екнуло сердце.

— Спасибо, нет. Перекушу уже в пекарне по пути на работу.

— Тогда я тебя подвезу, — сказал он так, будто это не обсуждается.

И я не стала спорить.

* * *

В пекарне пахло обжаренными зернами и сладкой выпечкой — обычный, земной запах, который странным образом успокаивал, возвращая ощущение реальности. Я сжала в руках стаканчик с кофе так, будто он был якорем в этом странном мире.

Антон сидел напротив. Он держался расслабленно, но его глаза внимательно изучали меня — не как предмет, не как угрозу, а как загадку, которую он обязан разгадать.

— Значит, ты работаешь в аукционном доме «Артефакт»?

— Да, я ведущий эксперт оценщик, — ответила я, стараясь говорить спокойно, будто обсуждала погоду. — Сейчас мы как раз ищем новую коллекцию, которая произведет фурор. Что то редкое, с историей... Такое, что заставляет людей затаивать дыхание.

Антон хмыкнул:

— Люди всегда хотят чуда, — произнес он с горькой усмешкой. — Но редко готовы заплатить за него настоящую цену.

— Говоришь так, будто сам не человек, — я чуть дольше задержала на нем взгляд, всматриваясь в его глаза, и в этот миг между нами пробежала невидимая искра, пробуждая острое и пугающее притяжение, похожее на разряд тока.

Антон слегка нахмурился, словно пытался отогнать наваждение, а я поспешно опустила глаза, пряча смущение за глотком кофе. Меня терзали вопросы, которые я не решалась задать: «Кто вы на самом деле?», «Что со мной происходит?», «Почему браслет не дает мне покоя?» — но мозг просто отказывался верить в то, что все произошедшее было реальностью.

Завтрак мы доедали в тишине, нарушаемой лишь шумом улиц и далекими гудками машин. Казалось, что мир снаружи живет своей обычной жизнью, не подозревая, что где то рядом рушатся границы между мирами.

Антон отвез меня к офису. Я вышла из машины и задержалась у двери, мне хотелось, что то сказать или спросить: «Увидимся ли мы снова?», «Ты ведь не просто так оказался рядом?», но слова застряли в горле. Я лишь кивнула и поспешила скрыться за массивными дверями «Артефакта».

Кабинет встретил меня привычной тишиной и покоем, но теперь эта тишина ощущалась иначе — не как уют, а как пауза перед громом. Я принялась просматривать почту, но мой взгляд неизменно возвращался к браслету, который я по какой то причине не торопилась возвращать в хранилище. Он лежал на краю стола и словно звал меня, шептал: «Прикоснись... примерь... узнай, кто ты на самом деле».

Не в силах сопротивляться, я надела его. Холод металла скользнул по коже, а камни вспыхнули ярким свечением, ослепив меня на мгновение. Испугавшись, я хотела тут же снять украшение, ругая себя за глупость, но застежка не слушалась и никак не хотела поддаваться. Браслет будто стал частью меня самой, слился с кожей, став не украшением, а печатью.

По коже побежали мурашки, а в голове прозвучал шепот: «Узнай. Узнай, кто ты». Я сжала кулаки, пытаясь унять дрожь, и огляделась, словно ища поддержки в знакомых стенах. Но теперь даже эти стены казались чужими, а тишина офиса — гробовой, тяжелой, давящей.

Сознание поплыло, и реальность начала рассыпаться. Образы стали наплывать один за другим, не то воспоминания, не то видения, не то осколки чужих жизней. Меня переполняли

эмоции, столь сильные, что я не выдержала и просто окунулась в их бушующее море, осев на пол безвольной куклой.

* * *

— Баал! — звенел мощью голос Ашеры. — Как посмел ты заточить моих детей? — она пылала — не огнем, а самой сутью Хаоса, который жил в нейи был ее дыханием. Ее волосы струились, будто в них запутались молнии, а глаза метали свет, способный расплавить звезды. — Освободи их! — и голос ее звучал не как просьба, а как предвестие конца.

Баал стоял неподвижно, словно высеченный из самой вечности. Его мантия была соткана из света и тишины, а в глазах отражалась тяжесть порядка, который он хранил ценой любых жертв.

— Они подняли руку на установленный порядок, — его голос звучал ровно, без гнева, но от этого был еще страшнее. — Бунт против воли Верховного бога — это не проступок, а угроза существованию миров. Их наказание — не месть, но необходимость.

— Необходимость? — выкрикнула Ашера, и от этого крика пространство пошло трещинами. — Ты приковал их цепями и заставляешь вновь и вновь умирать в огненной реке. За порядком ты прячешь свою жестокость.

— Вздор! Воды Флегетона очистят их души.

— Если ты не освободишь их, я обрушу на мир твоих любимых смертных всю силу Хаоса, чтобы ты ощутил мою боль, как свою собственную. Пусть люди узнают, каково это — жить под гнетом твоей «справедливости»!

— Ашера, — властным голосом, не терпящим возражений, произнес Баал, — я запрещаю тебе касаться мира смертных.

* * *

Я медленно приходила в себя после нахлынувшего видения. В голове еще звучали обрывки услышанных фраз, словно эхо, которое никак не хотело стихать. Я устало потерла виски, поднимаясь с пола. Камни на браслете больше не сияли, я снова попыталась его снять — и снова безрезультатно.

Взгляд зацепился за мое отражение в зеркале. Как зачарованная подошла ближе. Мои глаза, обычно спокойные, привычно карие, сейчас горели, словно два куска раскаленного обсидиана — черные, но изнутри пронизанные огненными прожилками, будто в них заперты отсветы далеких миров.

Я чувствовала, как во мне пробуждалась сила — тяжелая, густая, древняя. Она звенела на кончиках пальцев, пульсировала в венах, стучала в висках. Я не понимала и не знала ее происхождения, но мне предстояло узнать, что это за сила и кто я — ее хозяйка или ее пленница.

А где то далеко, в пентхаусе, Альтаир вдруг резко поднял голову, словно услышал беззвучный крик. Сатан замер, вглядываясь в пустоту, будто мог увидеть сквозь стены и километры то, что только что произошло.

Игра началась. И правила ее были написаны кровью.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.